Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 3 (312). С. 174–182.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2026. (3), 174–182.

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_174.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ГЕРМАНСКОЙ ПРОПАГАНДЕ НА КРАСНУЮ АРМИЮ И НАСЕЛЕНИЕ ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Владислав Александрович Кононов[1]

Управление Президента Российской Федерации
по государственной политике в гуманитарной сфере[1]
Москва, Россия

[1]*Кандидат исторических наук, действительный государственный советник*
Российской Федерации 3-го класса, референт, тел.: + 7 (495) 606-36-02,
e-mail: vkonsmol@mail.ru

Аннотация. В статье на основе изучения документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Государственного архива Воронежской области и широкого круга научной литературы исследовано такое значимое направление германской пропаганды в период Великой Отечественной войны, как аграрный вопрос. Обращаясь и к красноармейцам, и к сельскому населению временно оккупированных районов СССР, немецкие пропагандисты обещали роспуск колхозов, возврат к единоличным крестьянским хозяйствам и введение частной собственности на землю. Но для бойцов и командиров Красной армии эта тема была не слишком актуальной, что же касается крестьян, то реальная аграрная политика оккупантов отставала и/или не соответствовала пропагандистским нарративам. В стремлении обеспечить вермахт за счет захваченных территорий оккупанты жестоко эксплуатировали хозяйства всех типов и форм собственности, что делало пропаганду «нового аграрного порядка» неэффективной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецкая пропаганда, Красная армия, оккупированные территории СССР, аграрный вопрос.

Для цитирования: *Кононов В.А.* Аграрный вопрос в германской пропаганде на Красную армию и население временно оккупированных районов СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 3 С. 174–182. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_174.

Введение

К моменту нападения гитлеровской Германии на СССР машина нацистской пропаганды обладала уже достаточно сложной разветвленной структурой. Помимо задававшего общие лейтмотивы Министерства народного просвещения и пропаганды во главе с Й. Геббельсом, при Верховном командовании вермахта (ОКВ – Oberkommando der Wehrmacht, OKW) действовал Отдел военной пропаганды (Wehrmachtpropaganda-Abteilung) во главе с полковником Х. фон Веделем, IV группа которого под начальством полковника А. Блау занималась активной пропагандой на войска противника. Отделу военной пропаганды (OKW/WPr) подчинялись роты пропаганды, чье количество на 22.6.1941 г. достигло 19, из них 13 было развернуто на Восточном фронте; одной из стоявших перед ними задач являлась пропаганда на советские вооруженные силы [1, с. 44; 2, с. 17; 3].

Результаты

Одним из направлений немецкой военной пропаганды был аграрный вопрос. Исходя из того, что большинство красноармейцев являлись выходцами из сельской местности, т.е. из колхозов и совхозов, в своей агитпродукции немецкие пропагандисты резко

© Кононов В.А., 2026

критиковали коллективизацию и обещали распустить хозяйства коллективные и возродить единоличные. Таким образом, вермахт пропагандистски репрезентировался не оккупантом, а коллективным освободителем, несущим угнетенному «жидобольшевиками» населению СССР землю и волю [4, с. 56]. Правда, получить все это составлявшие основную массу РККА «крестьяне в солдатских шинелях» могли лишь в неком неопределенном будущем: OKW/WPr следовал «Указанию о применении пропаганды по варианту "Барбаросса"», подписанному начальником штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодлем и разосланному в войска к середине июня 1941 г., в котором особо замечалось, что из «хозяйственных соображений пока на повестку дня не должны быть поставлены вопросы о разделе земли и роспуске колхозов, хотя такие мероприятия и имеются в виду в будущем» [4, л. 8–14; 6, с. 574; 7, с. 83].

В соответствии с этим в листовочной продукции OKW/WPr и подчиненных ему подразделений в течение 1941 г. об аграрном вопросе говорилось довольно расплывчато. Так, в листовке 119 RA (середина июля 1941 г., тираж 2 млн экз.), обращавшейся к «офицерам и солдатам русской армии», данной тематике была посвящена только одна фраза: «Товарищи крестьяне! Если вы когда-либо хотите вернуть свои собственные хозяйства, – бросайте оружие или переходите к нам, беря его с собой!». Листовка 143 B (конец августа 1941 г., 2 млн экз.) уже более конкретна: в ней рассказывается о том, что на занятых территориях «немцы уже проводят следующие мероприятия». Находящиеся в личном пользовании колхозников дворы и приусадебные участки «передаются в полную собственность крестьянам» и не будут облагаться налогами, крестьянские участки будут увеличены вдвое «при условии хорошей уборки урожая и успешном проведении осеннего сева», за поставки сельхозпродукции «немецкие власти будут выплачивать твердые справедливые цены» и т.д. В листовке 156 RAB (середина октября 1941 г.) первым пунктом «программы германских властей» указывалось, что «каждый крестьянин получит свой собственный участок земли», а листовка 212 B (конец ноября 1941 г., тираж 3 млн экз.) заявляла, что «в освобожденных нами областях жизнь закипела новой струей», и вновь обещала, что «личный двор колхозника будет увеличен и освобожден от всяких налогов» [8; 9; 10, s. 26, 71, 107, 206].

В немецкой военной пропаганде 1942–1943 гг. в связи с введением «земельного закона Розенберга» и его же декларацией о частной собственности на землю (об этом – ниже) стали муссироваться лозунги типа «Долой колхозную систему» и «Конец колхозному рабству». Красноармейцев призывали переходить на сторону противника, обещая участие в разделе земли. «Помоги закончить войну, тогда ты так же получишь собственную землю», – призывали листовки. – «Это единственный шанс раз и навсегда удалить колхозы со святой русской земли». OKW/WPr запустил серию агитматериалов с кодировкой L (от нем. Landnutzung – землепользование, земельный порядок). Листовка 294 L сообщала военнослужащим РККА, что «германскими властями колхозная система упразднена» и провозглашала: «Долой войну! Да здравствует свободный радостный труд на своей земле!». Листовка 295 L призывала советских бойцов и командиров: «Кончайте ненужную войну – переходите к нам! Мы гарантируем вам возвращение на освобожденную родину! Вас ждет там счастливый радостный труд на своей земле!». Листовка 298 L обвиняла Сталина в том, что проведением коллективизации он «украл у крестьянина право на свободный и творческий труд на своей земле», и информировала «бойцов и командиров», равно как и «обманутых Сталиным колхозников», что «в освобожденных от сталинской тирании областях распоряжением Германских властей исправляется эта несправедливость, осуществляется крестьянская мечта: он получит свою землю» [11].

С конца 1942 г. к немецкой военной пропаганде подключились находившиеся под контролем СС и Министерства пропаганды лица и группы коллаборационистов, объединившиеся вокруг перешедшего на сторону противника генерал-лейтенанта А.А. Власова в так называемую «Русскую освободительную армию». До осени 1944 г. она представляла собой виртуальную организацию, так как подразделения коллаборационистов входили в состав немецких частей и подчинялись немецкому командованию, и использовалась в качестве пропагандистской фикции. 27.12.1942 г. была выпущена «Смоленская декларация», где Власов выступал в качестве председателя «Русского комитета» – такой же пропагандистской фикции, призванной сыграть роль «правительства в изгнании». Декларация содержала программу «строительства новой России» из 13 пунктов, и под пунктом № 2 значилась «ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам» [12, с. 228]. От лица Русского комитета и РОА издавалась многочисленная пропагандистская продукция, где не на последнем плане стоял аграрный вопрос: например, в листовке 225/8-43 рассказывалось, что «в 1932 году иудо-большевистская власть загнала лучших крестьян в ссылки, лагеря и тюрьмы, а остальное крестьянство согнали в колхозы», в результате чего «хлеба не стало» и «по всей матушке Руси прокатилась волна голода». Этому противопоставлялась картина «счастливого будущего», в котором «крестьянин получит землю, о которой он веками мечтал, и будет обрабатывать ее сам», а, собрав урожай, «будет сам продавать на вольном рынке свои продукты по сходным ценам» [12, с. 272–273].

Подобные мотивы присутствовали в значительном количестве пропагандистских материалов РОА вплоть до тех пор, пока последняя не стал приобретать реальные очертания в качестве вооруженных сил организованного в ноябре 1944 г. Комитета освобождения народов России. В январе 1945 г. военные структуры КОНР были признаны Вооруженными силами союзной державы гитлеровской Германии. Созданный неделей спустя полного освобождения территории СССР, когда Красная армия полностью восстановила советскую государственную границу и приступила к освобождению от нацизма Юго-Восточной и Центральной Европы, КОНР 14.11.1944 г. издал «Пражский манифест». В нем рассказывалось, что «большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее

угнетенных». Этому противопоставлялись принципы «новой государственности народов России», числом четырнадцать, и принцип № 6 гласил: «Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью» [13, с. 854–855]. Главное управление пропаганды КОНР до самого краха гитлеровской Германии продолжало пропагандировать лозунги Пражского манифеста, призывая «дорогих соотечественников» к «построению новой свободной России», в которой «каждый свободный крестьянин должен иметь свою землю» [12, с. 241].

Стоит отметить, что использование земельного вопроса в пропаганде на РККА не могло иметь решающего эффекта. Бойцы и особенно командиры сохраняли крестьянскую идентичность лишь частично, и проблематика земельной собственности имела для них отнюдь не первоочередную актуальность, тем более что использовать единоличный надел они смогли бы не ранее своего весьма гипотетического возвращения из плена. Другое дело – сельское население захваченных территорий: здесь пропаганда решения земельного вопроса могла иметь значительный эффект и стимулировать лояльность к оккупационному режиму.

В годы войны значительная часть территории Советского Союза оказалась в оккупации. Полностью или частично были оккупированы 23 из 73 автономных республик, краев и областей РСФСР, Прибалтика, Белоруссия, Молдавия (Молдавскую ССР и юго-запад УССР оккупировала Румыния), часть Украины и Северного Кавказа. Ряд областей был захвачен на срок около трех лет. На занятых противником территориях до войны проживало до 80 млн чел., а за вычетом призванных и эвакуированных под властью врага осталось порядка 65 млн чел. Оккупированные территории были подразделены на зоны «А» и «В»; в первой, прифронтовой зоне, управление осуществлялось военными комендатурами, во второй были созданы рейхскомиссариаты «Украина» (большая часть УССР и юг БССР) и «Остланд» (Прибалтика и центральная часть БССР), исходно находившиеся в ведении возглавляемого А. Розенбергом Имперского министерства оккупированных восточных территорий. В Прибалтийских республиках и позднее в Белоруссии были созданы марионеточные режимы национального самоуправления [14, с. 144; 15, с. 141; 16, с. 7].

В зоне «А» ведение пропаганды на гражданское население возлагалось на батальоны пропаганды, приданные группам армий. В зоне ответственности группы армий «Север» действовал батальон «В», группы армий «Центр» – «W», группы армий «Юг» – «Г». Позднее были созданы батальоны «D» – для работы на оккупированной территории Подонья, и «К» – для работы на оккупированной территории Северного Кавказа, и сформированы штабы пропаганды «Nord» (Рига), «Mitte» (Смоленск) и «Krim» (Севастополь). Военнослужащие батальонов пропаганды осуществляли пропагандистские мероприятия для населения, выпускали газеты и журналы, осуществляли цензуру, вели эфирное и проводное радиовещание, контролировали эксплуатацию кинотеатров и киноустановок [1, с. 46–47; 12, с. 207]. В зоне «В» пропагандой занимались соответствующие отделы разных уровней, подчиненные Восточному министерству. Такие отделы пропаганды функционировали при рейхскомиссариатах, генеральных округах, в городских управах, военных комиссариатах и др. административных структурах. К ведению пропаганды привлекались и низовые сотрудники – бургомистры, старосты и пр. [12, с. 26; 16, с. 8; 17, с. 79; 18, с. 990].

Пропаганда на оккупированных территориях велась различными средствами. В первое время широко использовались листовки, которые сменялись различными воззваниями, объявлениями и плакатами, а затем и периодикой – газетами и журналами. Последние представляли собой общественно-политические издания, ориентированные на массовую аудиторию, в том числе на целевую – крестьянство. Периодика издавалась на многих языках народов СССР, к ее выпуску в областных и районных центрах привлекались значительные кадры местных коллаборационистов, работавших под контролем оккупационных властей [16, с. 9; 17, с. 80]. Всего за годы оккупации выходило от 260 до более чем 300 изданий на 30 языках, выпускавшихся тиражами от 2, 5, 10 тыс. экз. до 150 тыс. экз. [12, с. 58–59; 14, с. 120]. Кроме печатной пропаганды, широко применялись и иные ее виды: радиопередачи, кинематограф, театральные постановки и театрализованные представления, передвижные выставки, устные выступления на массовых мероприятиях, воспитательные беседы в школах, церковные проповеди и пр. [14, с. 127; 17, с. 82; 19, с. 158].

На протяжении первых месяцев войны адресованные советскому крестьянству листовки критиковали коллективизацию и колхозный строй [8, л. 1 об.; 9, л. 1 об.]. «Трудовому крестьянству сулили землю, а взамен закрепостили его в колхозах», – указывалось в листовке 145 RAB (сентябрь 1941 г.). – На одной Украине принудительная коллективизация стоила жизни шести миллионам крестьян!». В листовке 229 В (декабрь 1941 г.) колхозникам напоминали, что «Сталину мало было отнять ваши отцовские земли, он урезал даже ваши приусадебные клочки, ваши огороды и сады, обрекая ваши семьи на голодное существование», и призывали не бояться германской армии, ибо это «Армия народа, в котором земледельцы являются самым почетным и самым уважаемым сословием» [10, s. 74, 239].

Однако внятных альтернатив колхозному строю оккупационная пропаганда в это время не предлагала. Листовки 1 BR и 2 BR (середина июля 1941 г.) призывали «Народы Советского Союза» защищать «колхозы от разрушения и грабежа»: «Не допускайте уничтожения или увода скота, запасов и машин. ...Берегите все припасы, но не берите их самовольно! ...Оставайтесь все на своих местах и продолжайте Вашу работу. Не допускайте принудительных эвакуаций! ...Если вы сами уничтожите свои запасы, не ждите, что немцы дадут вам хлеб и одежду». Украинцам в листовках 120 RAB и 122 RAB (тот же период) предлагалось организовывать «охорону урожаів» и «бережить зерно, воно буде Ваше»; украинские колхозники предупреждались – «хто из Вас спалить ниву, або дозволить це зробити

советській голоті, плакатиме гіркими сльозами!». Листовки 125 RA, 129 RAB, 130 RA (середина – конец июля 1941 г.) предупреждали: «Зима приближается. Берегите хлеб, берегите скот и машины. Не допускайте преступного уничтожения народного достояния, а то не избежать вам и вашим родным голода и нищеты!»; «Берегите народное достояние. От этого зависит и ваше личное благосостояние. И все ваше будущее». Иными словами, советским колхозникам предлагалось оставаться на рабочих местах и заботиться лишь о том, чтобы власти не эвакуировали и не уничтожали материальные ресурсы; обо всем остальном должна была позаботиться германская армия, которая «освобождает ваши земли от многолетнего грабежа и насилия большевиков». В то же время о том, как обстоят дела с земельным вопросом в «освобожденных от сталинского ига деревнях», сообщалось довольно расплывчато: так, в иллюстрированной листовке 165 RA (начало ноября 1941 г.) рассказывалось и показывалось, как снимается урожай, белятся хаты, вечером крестьяне гонят скотину домой и «после рабочего дня все село собирается поговорить о новостях и о том, как строить новую свободную жизнь», но вот о том, как будет устроена эта жизнь в плане собственности на землю, скромно умалчивалось [10, s. 14–15, 32, 35, 38, 44–45, 128–129, 239].

Дело в том, что оккупанты изначально стремились превратить захваченные области СССР в аграрный придаток индустриальной Германии, не говоря уже о планах дальнейшего выселения нежелательных элементов, колонизации и германизации, что нашло свое отражение в многочисленных высказываниях и планах Гитлера, Геринга, Гиммлера, Геббельса, Розенберга и других нацистских лидеров [14, с. 144; 20, с. 120; 21, с. 94–95]. Первым делом оккупированные территории должны были кормить вермахт: еще до нападения Германии на СССР интендантством верховного командования было определено, что «для сохранения запасов в Германии войска должны жить за счет местного сельского хозяйства», из которого планировалось изымать, как минимум, 6 млн т продовольствия, причем если сначала от заготовительных служб требовалось обеспечить за счет занятых районов 2/3 потребностей вермахта в сельскохозяйственной продукции, то с середины сентября 1941 г. – 100% [14, с. 145; 21, с. 121; 22, с. 56]. Для этих целей советская система коллективного сельского хозяйства представлялась наиболее оптимальной: по словам уполномоченного особого штаба «Ольденбург» и статс-секретаря Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства Г. Бакке, если бы советский режим не создал колхозов, то немцам следовало бы самим их изобрести [12, с. 67; 23, с. 190].

Все имущество колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций, включая технику, скот и землю – пашни, луга и пастбища, было объявлено собственностью Германского рейха. При этом оккупанты строго пресекали все попытки ликвидации крупных сельскохозяйственных предприятий, исходя из того, что при разделении их на мелкие крестьянские хозяйства контролировать и эксплуатировать последние будет сложно и даже невозможно. Это не касалось недавно присоединенных к СССР районов Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, где немцы не препятствовали роспуску колхозов и возвращению к частным хозяйствам. В приложении к распоряжению по снабжению вермахта от 22.8.1941 г. под названием «Принципы ведения хозяйства на Востоке» говорилось, что «сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии и хозяйства за счет русских просторов» [23, с. 190]. Соответственно, после оккупации той или иной территории захватчики первым делом налагали запрет на роспуск колхозов (с августа 1941 г. их начали переименовывать в «общие дворы»), раздел их имущества и брали на учет все имеющееся продовольствие, производя переписи зерна, скота и пр. Населению объявлялось, что большевистская колхозная система, в принципе, отменяется, но крупные хозяйства с коллективным трудом остаются, так как немедленный передел привел бы к гибели урожая, голоду, а главное – к невозможности обеспечения поставок сельхозпродукции вермахту. Чтобы предотвратить это, в деревню командировались немецкие «сельскохозяйственные руководители» и создавались соответствующие органы администрации – хозяйственные команды, земельные управления, сельскохозяйственные штабы и т.д. [24, с. 16–18].

Срыв планов «блицкрига» в результате поражения в битве под Москвой и переход к войне на истощение вынудил военно-политическое руководство Третьего рейха несколько пересмотреть свою аграрную политику не только в целях наладить долговременное обеспечение вермахта провиантом, но и в попытке привлечь на свою сторону и значимо увеличить степень лояльности населения оккупированных территорий СССР. 27 февраля 1942 г., получив одобрение Гитлера, рейхсминистр оккупированных восточных областей А. Розенберг утвердил «Положение о землепользовании», которым провозглашался «новый аграрный порядок». Суть его заключалась в переходе от колхозной системы к частным крестьянским хозяйствам, при этом срок реформы был неопределенно-длительным, а реализовываться она должна была в три этапа. На первом колхозы преобразовывались в общинные хозяйства, на втором полевые земли делились между крестьянскими дворами, которые объединялись в сельскохозяйственные товарищества, и только на третьем намечался переход к единоличным хуторским/фермерским хозяйствам. В последовавших законодательных актах разъяснялось, что и общинные хозяйства, и земельные кооперативы подчиняются немецкой сельскохозяйственной администрации, обеспечивающей обязательные поставки сельхозпродукции. В первых земля обрабатывалась совместно, во вторых таковыми оставались пахота и сев, а послепосевная обработка и жатва производились крестьянским дворами на выделенных участках; луга так же делились, а пастбища оставались в общественном пользовании. Приусадебные участки, мелкий сельхозинвентарь и личный скот с разрешения немецкой администрации передавались крестьянам; техника оставалась в общественной собственности, а пользование тягловым скотом являлось платным. Хутора и отруба могли получить лишь те крестьяне, которые обладали собственным тягловым скотом и инвентарем, доказали свою хозяйственную самостоятельность, обрабатывали всю полученную землю в соответствии с правилами, планами и предписаниями немецкой

администрации, своевременно и в полном размере уплачивали натуральный и иные налоги, в противном случае единоличник мог быть лишен земли и инвентаря [21, с. 141–145; 23, с. 191–192; 24, с. 20–22].

В ходе летнего наступления немецко-фашистских войск на южном фланге советско-германского фронта в 1942 г. были временно оккупированы новые территории СССР. Здесь судьба «аграрной реформы» складывалась по-разному: например, в оккупированных районах Воронежской области она фактически не проводилась – колхозы были лишь переименованы в «общинные хозяйства», которые всеми способами эксплуатировались захватчиками, тогда как на Кубани и Северном Кавказе, на поддержку населения которых немцы особенно рассчитывали, земельные преобразования производились ускоренным темпом. Однако все эти территории были освобождены Красной армией уже в начале 1943 г., поэтому реформационные инициативы оккупантов не имели успеха [15, с. 144; 20, с. 121–125; 24, с. 22–23; 25, с. 75–78; 26, с. 76]. Что касается ранее оккупированных районов, то здесь захватчики уделяли куда больше внимания беспощадной эксплуатации населения, чем решению земельного вопроса. Число немецких управляющих и сельскохозяйственных руководителей уже к лету 1942 г. выросло до 16 тыс. чел. Рабочий день в общинных хозяйствах длился 12–14 часов, при этом в поле выгонялись все трудоспособные в возрасте от 15 до 60 лет. Работа на общественных полях, как и ранее в колхозах, оплачивалась трудоднями; до окончания полевых работ на общественной земле крестьянам запрещалось обрабатывать приусадебные участки, или же на своих участках разрешалось трудиться два дня в неделю, а все остальное время требовалось проводить на общественных работах. За уклонение от работ, утаивание зерна, несвоевременную сдачу хлеба и другой продукции применялись штрафы, телесные наказания, расстрелы [24, с. 23–24; 27, с. 374–375].

Негативный эффект от репрессивной эксплуатации крестьянства оккупированных территорий захватчики пытались компенсировать широкой пропагандистской компанией, которой сопровождалось проведение в жизнь «нового земельного закона». Было подготовлено и использовано множество листовок, плакатов, календарей с текстами новых аграрных законов; их широко публиковала коллаборационистская пресса вместе с разного рода разъяснениями, восхвалениями и благодарностями в адрес немецких властей [28, л. 1 об.; 29, л. 151–152]. Все эти агитационные материалы следовали указаниям министерства Розенберга, в которых давался подробный инструктаж по поводу того, как преподносить населению «новый аграрный порядок». Немецким сельскохозяйственным руководителям рекомендовалось объяснять, что крестьяне не наделяются землей немедленно потому, что в органах германского сельхозуправления нет достаточного количества специалистов для организации нового порядка, тогда как у них есть и иные заботы. С разделом земли не следует спешить: «Вы же слыхали, какое облегчение дает коллективное хозяйство, каковы его возможности для развертывания личной инициативы, чтобы добиваться преуспевания в сельском хозяйстве. Чем лучше вы эти возможности используете, тем скорее создадите предпосылки для наделения вам земли в личное пользование». «Нам необходима какая-то форма коллективного хозяйства, – следовало говорить крестьянам. – Не потому, что это нам особенно нравится, а потому что иначе пока невозможно. За это вы должны благодарить большевиков, которые оставили вас в таком жалком и беспомощном состоянии». Что же до частной собственности на землю, то по этому вопросу следовало «вступать в объяснения только в необходимых случаях», а если все же приходилось, то рекомендовалось указывать на неразрешимость проблемы во время войны, на трудности, связанные с последующей реэвакуацией и возможной реституцией и т.п. «Довольствуйтесь тем, что колхозы распущены, что вы имеете возможность получить землю в постоянное пользование, и не выставляйте несправедливых требований, – такой ответ предлагался на крестьянские вопросы. – ...Зачем вы хотите затевать возню с правом собственности на землю? Вы хотите ее продавать, сдавать в аренду, спекулировать? Но об этом и речи быть не может во время войны! Сейчас речь идет лишь о том, чтобы по силе возможности обработать землю... Это должно быть сейчас единственной заботой, а не вопрос о собственности» [30; 31, с. 253–256].

Такие ответы вряд ли могли удовлетворить вчерашних советских колхозников. Даже там, где поначалу отношение к оккупантам было спокойно-выжидательным и даже вполне лояльным (Западная Белоруссия, Эстония и др.) и где большинство крестьян отрицательно относились к колхозной системе и потому позитивно встретили роспуск колхозов и обещанную захватчиками перспективу возвращения частной земельной собственности, к концу 1942 – началу 1943 гг. стало расти недовольство «новым порядком» с его грабежами, реквизициями, налогами и сборами с личных хозяйств [15, с. 145; 23, с. 194; 32, с. 16; 33, с. 143–144]. Население оккупированных районов возмущалось тем, что его рассматривают лишь как источник пригодных для эксплуатации ресурсов и относятся к нему в точности так, как это следовало в соответствии с докладами разведотдела штаба немецкой 4-й полевой армии (май 1943 г.), разъяснявшим текущую ситуацию «немецкому солдату на Востоке»: «Характер русского человека напоминает характер ребенка! Это значит, что в жизни он руководствуется не рассудком, а своими чувствами. ...Русский человек следует не своему рассудку, а своему сердцу. Русские представляют из себя “нечто другое”, чем мы! Они действуют, рассуждают и реагируют по другим законам, чем люди Средней или Западной Европы. ...Никогда не забывай: русский любит, чтобы им руководили. ...Мы хотим быть для русских народом-руководителем и ничем другим» [31, с. 274–277].

Ликвидация колхозной системы и раздел земли в единоличное пользование в разных оккупированных регионах шли с разной интенсивностью. Где-то, как в части Белоруссии, были реформированы все колхозы и совхозы, где-то, как в Ленинградской области, раздел земли был завершен наполовину, а где-то, как на Украине, за все время оккупации было ликвидировано от 10 до 20% коллективных хозяйств [22, с. 58; 23, с. 192; 25, с. 78]. Размеры оккупированной территории сокращались по мере боевых действий Красной армии,

соответственно, возрастала нагрузка сельхозпоставок на население остававшихся под оккупацией регионов, что вызывало рост сопротивления. Ухудшение положения на фронтах и активизация партизанского движения привели германское руководство к мысли о необходимости новых популистско-пропагандистских мер для обеспечения лояльности сельского населения захваченных районов. 3 июня 1943 г. глава Имперского министерства оккупированных восточных территорий А. Розенберг подписал «Декларацию германского правительства о частной собственности крестьян на землю в освобожденных областях». В ней говорилось, что земля, которая в соответствии с «Положением о землепользовании» от 27.2.1942 г. была выделена «крестьянам для постоянного единоличного пользования, признается частной собственностью этих крестьян». Было обещано, что новые отводимые наделы будут передаваться в частную собственность, причем получить их смогут более широкие круги населения: «Наравне с крестьянами, проживающими в настоящее время в местах землепользования, землей будут наделены в полной мере и все имеющие на нее право, но временно отсутствующие крестьяне, как например: находящиеся в настоящее время на работах в Германии, на военной службе, военнопленные, военнослужащие Красной армии и эвакуированные или сосланные советской властью». Реформа подавалась как мера поощрения «трудового крестьянства», при этом от новых частных землевладельцев ожидалась благодарность в смысле усиленной работы по продовольственному снабжению вермахта: «Введение частной собственности на землю для крестьян является признанием их заслуг в деле сельскохозяйственного производства. Приложение всех усилий в восстановлении сельского хозяйства освобожденных областей и в дальнейшем является священным долгом крестьянства, которое этим содействует окончательному низвержению большевизма» [21, с. 148–149; 23, с. 194; 24, с. 27].

Выпуск «Декларации» сопровождался новой агитационной кампанией, проводившейся в соответствии с составленным в министерстве Розенберга «Пропагандистским толкованием аграрного порядка», согласно которому следовало делать акцент на роспуске колхозов, развитии индивидуального крестьянского хозяйства, увеличении поставок продукции в ответ на помощь со стороны немецкой сельскохозяйственной администрации [29, с. 152–153]. Массовыми тиражами были выпущены листовки и плакаты с текстом «Декларации»; особое внимание ей уделила коллаборационистская пресса [206, л. 1, 1 об.]. Однако большого успеха пропаганда нового земельного порядка не имела прежде всего потому, что частные хозяйства так же, как кооперативные и общинные, облагались налогами, обязывались натуральными поставками и функционировали в соответствии с плановыми заданиями оккупационной администрации. Объем поставляемой сельскохозяйственной продукции продолжал снижаться, сопротивление оккупантам и коллаборационистам росло, и менее чем через год подавляющая часть территории СССР была освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

Выводы

Подводя итоги, можно отметить, что в немецкой пропаганде на Красную армию и население временно оккупированных территорий СССР проблематика нового аграрного порядка не имела существенного успеха. Пока вермахт одерживал победы, нацистское руководство не спешило с упразднением колхозов и совхозов, а когда все же было вынуждено провозгласить создание сельскохозяйственных товариществ и даже пойти на переход от пользования земельными наделами к их передаче в частную собственность, немецкие армии под натиском советских войск покатились на запад. В этих условиях усилия пропагандистских служб, несмотря на размах и масштабы их деятельности, не могли быть эффективными и не стали таковыми.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Белков А.Н. «Пропаганда поможет нам завоевать весь мир». Структура органов пропаганды нацистской Германии и вермахта // Военно-исторический журнал. 2019. № 1. С. 43–48.

2. Гашенко В.А. Идеологическое противоборство СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. Т. 5. С. 15–22.

3. Федоров И. Структура фронтовой пропаганды нацистской Германии // Военное обозрение. 2025. 1 сентября. URL: https://topwar.ru/270216-struktura-frontovoj-propagandy-nacistskoj-germanii.html (дата обращения: 20.08.2026).

4. Шанцева Е.Н. Психологическая «обработка» населения оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 годы // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 55–59.

5. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12454. Д. 127.

6. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. В 7 т. Т. 2: Преступления против мира. М. : Государственное издание юридической литературы, 1958. 863 с.

7. Сорокина О.Л. Фашистская пропаганда в войне против СССР // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2. С. 77–109.

8. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 193.

9. ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 198.

10. Kirchner K. Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg Europa. In 19 Bänden. Band 10. Flugblatter aus Deutschland 1941. Erlangen: VERLAG D+C, 1987. 335 s.

11. Федоров И. Информационные нарративы в немецкой пропаганде против солдат Красной армии // Военное обозрение. 2025. 28 октября. URL: https://topwar.ru/272819-informacionnye-narrativy-v-nemeckoj-propagande-protiv-soldat-krasnoj-armii.html (дата обращения: 20.08.2026).

12. Окороков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы второй мировой войны. М. : Русский путь, 2007. 294 с.

13. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 863 с.

14. Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941–1944 гг. М. : Мысль, 1988. 277 с.

15. Синицын Ф.Л. «Превратить Восточный поход в гражданскую войну»: национальная политика гитлеровских оккупационных властей в период с июня 1942 г. по январь 1944 г. // Информационная безопасность регионов. 2013. № 2 (13). С. 141–146.

16. Рубанова Т.Д. Войны газетная строка: особенности функционирования периодической печати на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 7–22.

17. Молодова И.Ю. Нацистская пропаганда и агитация на оккупированной территории западных областей РСФСР // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. С. 79–83.

18. Пушкаренко Е.А. Немецкая система пропаганды на оккупированной советской территории: структура, формы, методы, содержание и эффективность деятельности (на примере Генерального округа Беларусь) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 4. С. 987– 999.

19. Болокина Л.А. Немецкая пропаганда среди населения Калининской области в начале Великой Отечественной войны // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 157–161.

20. Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж : ВГАУ, 2003. 256 с.

21. Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942–1943. Воронеж : Кварта, 2006. 416 с.

22. Новиков С.Е. Германская экономическая политика на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 2. Минск : БГУ, 2007. С. 51–63.

23. Сидорова Е.А. Аграрная политика оккупационных властей Германии на территории Ленинградской области, 1941–1944 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 189–195.

24. Никифоров С.А. Аграрная политика немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Центрально-Черноземного региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 4. С. 16–30.

25. Татаров А.А. Попытка восстановления частной земельной собственности на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 75–79.

26. Доронина Н.В., Линец А.С., Линец С.И. Пропагандистское противостояние на оккупированных вермахтом территориях Ставрополья в 1942–1943 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 4 (78). С 74–78.

27. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М. : Кучково поле, 2014. 864 с.

28. ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 242.

29. Горелкин В.А. Нацистская пропаганда «Нового аграрного порядка» на оккупированных территориях СССР. 1942–1943 годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. С. 150–154.

30. ЦАМО. Ф. 417. Оп. 10597. Д. 205.

31. Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Том II. Информационное противоборство в годы войны. М. : ПОЛИГРАФ-СЕРВИС, 2014. 354 с.

32. Болсун Г.А. Аграрная политика германских оккупационных властей на территории Беларуси (1941–1944) // Працы гістарычнага факультэта : навуковы зборнік. Вып. 1. Мінск : БДУ, 2006. С. 14–19.

33. Пушкаренко Е.А., Третьяк С.А. Политические настроения населения и его реакция на немецкую пропаганду на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 40–49.

34. ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 206.

References

1. Belkov, A.N. (2019) «Propaganda pomozhet nam zavoevat' ves' mir». Struktura organov propagandy nacistskoj Germanii i vermahta ["Propaganda will help us conquer the world." The structure of the propaganda organs of Nazi Germany and the Wehrmacht]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. (1), 43–48. (In Russian)

2. Gashenko, V.A. (2022) Ideologicheskoe protivoborstvo SSSR i Germanii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Ideological confrontation between the USSR and Germany during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Interjekspo Geo-Sibir'*. (5), 15–22. (In Russian)

3. Fedorov, I. Struktura frontovoj propagandy nacistskoj Germanii [The structure of Nazi Germany's frontline propaganda]. *Voennoe obozrenie. 2025. 1 sentyabrya*. Available from: https://topwar.ru/270216-struktura-frontovoj-propagandy-nacistskoj-germanii.html (Accessed: 20.08.2026). (In Russian)

4. Shanceva, E.N. (2010) Psihologicheskaya «obrabotka» naseleniya okkupirovannoj territorii Bryanshchiny v period s 1941 po 1943 gody [Psychological "processing" of the population of the occupied territory of Bryansk region in the period from 1941 to 1943]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. (2), 55–59. (In Russian)

5. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (hereinafter referred to as TsAMO)]. F. 500. Op. 12454. D. 127.

6. *Nyurnbergskij process nad glavnymi nemeckimi voennymi prestupnikami: Sbornik materialov. V. 7 t. T. 2: Prestupleniya protiv mira* (1958) [The Nuremberg Trials of the Major German War Criminals: A Collection of Materials. In 7 Volumes. Volume 2: Crimes against Peace]. Moscow, Gosudarstvennoe izdanie yuridicheskoj literatury Publ. 863 p. (In Russian)

7. Sorokina, O.L. (2015) Fashistskaya propaganda v vojne protiv SSSR [Fascist propaganda in the war against the USSR]. *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee*. (2), 77–109. (In Russian)

8. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archives of the Voronezh Region (hereinafter referred to as GAVO)]. F. 2100. Op. 1. D. 193.

9. GAVO. F. 2100. Op. 1. D. 198.

10. Kirchner, K. (1987) Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg Europa. In 19 Вдnden. Band 10. Flugblatter aus Deutschland 1941 [Leaflet Propaganda in World War II Europe. In 19 volumes. Volume 10. Leaflets from Germany 1941]. Erlangen, VERLAG D+C Publ. 335 s. (In German)

11. Fedorov, I. Informacionnye narrativy v nemeckoj propagande protiv soldat Krasnoj armii [Information narratives in German propaganda against Red Army soldiers]. *Voennoe obozrenie. 2025. 28 oktyabrya*. Available from: https://topwar.ru/272819-informacionnye-narrativy-v-nemeckoj-propagande-protiv-soldat-krasnoj-armii.html (Accessed: 20.08.2026). (In Russian)

12. Okorokov, A.V. (2007) *Osobyj front. Nemeckaya propaganda na Vostochnom fronte v gody vtoroj mirovoj vojny* [Special Front. German Propaganda on the Eastern Front during World War II]. Moscow, Russkij put' Publ. 294 p. (In Russian)

13. Semiryaga, M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 863 p. (In Russian)

14. Ivlev, I.A., Yudenkov, A.F. (1988) *Oruzhiem kontrpropagandy: Sovetskaya propaganda sredi naseleniya okkupirovannoj territorii SSSR. 1941–1944 gg.* [Weapons of Counter-Propaganda: Soviet Propaganda Among the Population of the Occupied Territories of the USSR. 1941–1944]. Moscow, Mysl' Publ. 277 p. (In Russian)

15. Sinicyn, F.L. (2013) «Prevratit' Vostochnyj pohod v grazhdanskuyu vojnu»: nacional'naya politika gitlerovskih okkupacionnyh vlastej v period s iyunya 1942 g. po yanvar' 1944 g. ["Turning the Eastern Campaign into a Civil War": The National Policy of the Hitlerite Occupation Authorities from June 1942 to January 1944]. *Informacionnaya bezopasnost' regionov*. (2), 141–146. (In Russian)

16. Rubanova, T.D. (2015) Vojny gazetnaya stroka: osobennosti funkcionirovaniya periodicheskoj pechati na vremenno okkupirovannoj territorii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [War newspaper line: features of the functioning of the periodical press in the temporarily occupied territory during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv.* (2), 7–22. (In Russian)

17. Molodova, I.Yu. (2015) Nacistskaya propaganda i agitaciya na okkupirovannoj territorii zapadnyh oblastej RSFSR [Nazi propaganda and agitation in the occupied territories of the western regions of the RSFSR]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* (1), 79–83. (In Russian)

18. Pushkarenko, E.A. (2023) Nemeckaya sistema propagandy na okkupirovannoj sovetskoj territorii: struktura, formy, metody, soderzhanie i effektivnost' deyatel'nosti (na primere General'nogo okruga Belarus') [The German propaganda system in the occupied Soviet territory: structure, forms, methods, content and effectiveness of activities (using the example of the General District of Belarus)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. (4), 987– 999. (In Russian)

19. Bolokina, L.A. (2009) Nemeckaya propaganda sredi naseleniya Kalininskoj oblasti v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny [German propaganda among the population of the Kalinin region at the beginning of the Great Patriotic War]. *Vestnik Voennogo universiteta.* (4), 157–161. (In Russian)

20. Filonenko, S.I., Filonenko, N.V. (2003) *Krah fashistskogo «novogo poryadka» na Verhnem Donu (iyul' 1942 – fevral' 1943)* [The collapse of the fascist "new order" on the Upper Don (July 1942 – February 1943)]. Voronezh, VGAU Publ. 256 p. (In Russian)

21. Filonenko, S.I., Filonenko, M.I. (2006). *Psihologicheskaya vojna na Donu: mify fashistskoj propagandy. 1942–1943* [Psychological warfare on the Don: myths of fascist propaganda. 1942–1943]. Voronezh, Kvarta Publ. 416 p. (In Russian)

22. Novikov, S.E. (2007) Germanskaya ekonomicheskaya politika na okkupirovannoj territorii Belarusi (1941–1944 gg.) [German economic policy in the occupied territory of Belarus (1941–1944)]. Rossijskie i slavyanskie issledovaniya: nauchnyj sbornik. Vyp. 2. [Russian and Slavic Studies: A Scientific Collection. Issue 2]. Minsk, BGU Publ. P. 51–63. (In Russian)

23. Sidorova, E.A. (2014) Agrarnaya politika okkupacionnyh vlastej Germanii na territorii Leningradskoj oblasti, 1941–1944 gg. [Agricultural policy of the German occupation authorities in the Leningrad region, 1941–1944]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya.* (4), 189–195. (In Russian)

24. Nikiforov, S.A. (2012) Agrarnaya politika nemecko-fashistskih zahvatchikov na okkupirovannoj territorii Central'no-CHernozemnogo regiona [The agrarian policy of the Nazi invaders in the occupied territory of the Central Black Earth Region]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii.* (4), 16–30. (In Russian)

25. Tatarov, A.A. (2015) Popytka vosstanovleniya chastnoj zemel'noj sobstvennosti na Severnom Kavkaze v usloviyah nemecko-fashistskoj okkupacii (avgust 1942 – yanvar' 1943 gg.) [An attempt to restore private land ownership in the North Caucasus under Nazi occupation (August 1942 – January 1943)]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'.* (8), 75–79. (In Russian)

26. Doronina, N.V., Linec, A.S., Linec, S.I. (2017) Propagandistskoe protivostoyanie na okkupirovannyh vermahtom territoriyah Stavropol'ya v 1942–1943 gg. [Propaganda confrontation in the Wehrmacht-occupied territories of Stavropol in 1942–1943]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* (4), 74–78. (In Russian)

27. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i vojna* [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Vol. 10. State, Society, and War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. 864 p. (In Russian)

28. GAVO. F. 2100. Op. 1. D. 242.

29. Gorelkin, V.A. (2006) Nacistskaya propaganda «Novogo agrarnogo poryadka» na okkupirovannyh territoriyah SSSR. 1942–1943 gody [Nazi propaganda of the "New Agrarian Order" in the occupied territories of the USSR. 1942–1943]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* (11), 150–154. (In Russian)

30. TsAMO. F. 417. Op. 10597. D. 205.

31. *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Dokumenty i materialy. Tom II. Informatsionnoe protivoborstvo v gody voiny* (2004). [The Great Patriotic War. 1941–1945. Documents and materials. Volume II. Information resistance during the war]. Moscow, POLIGRAF-SERVIS Publ. 354 p. (In Russian)

32. Bolsun, G.A. (2006) Agrarnaya politika germanskih okkupacionnyh vlastej na territorii Belarusi (1941–1944) [Agricultural policy of the German occupation authorities in Belarus (1941–1944)]. Pracy gistarychnaga fakul'teta : navukovy zbornik. Vyp. 1 [Proceedings of the Faculty of History: scientific collection. Issue 1]. Minsk, BDU Publ. P. 14–19. (In Russian)

33. Pushkarenko, E.A., Tret'yak, S.A. (2024) Politicheskie nastroeniya naseleniya i ego reakciya na nemeckuyu propagandu na okkupirovannoj sovetskoj territorii (na materialah General'nogo okruga Belarus') [Political attitudes of the population and its reaction to German propaganda in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* (90), 40–49. (In Russian)

34. GAVO. F. 2100. Op. 1. D. 206.

Поступила в редакцию 03.08.2026
Подписана в печать 30.09.2026

Original article
UDC 94(47).084.8
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_174.

THE AGRARIAN QUESTION IN GERMAN PROPAGANDA AGAINST THE RED ARMY AND THE POPULATION OF THE TEMPORARILY OCCUPIED REGIONS OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vladislav A. Kononov[1]

[1]*Office of the President of the Russian Federation for State Policy in the Humanitarian Sphere Moscow, Russia*

[1]*Cand. Histor. Sci., Actual State Counselor of the Russian Federation, 3rd class, referent, tel.: + 7 (495) 606-36-02, e-mail: vkonsmol@mail.ru*

Abstract. This article, based on documents from the Central Archives of the Russian Ministry of Defense, the State Archives of the Voronezh Region, and a wide range of scholarly literature, examines the agrarian question, a significant aspect of German propaganda during the Great Patriotic War. Addressing both Red Army soldiers and the rural population of temporarily occupied regions of the USSR, German propagandists promised the dissolution of collective farms, a return to individual peasant farms, and the introduction of private land ownership. However, for Red Army soldiers and commanders, this topic was not particularly relevant. As for the peasants, the occupiers' actual agricultural policies lagged behind and/or did not correspond to the propaganda narratives. In an effort to supply the Wehrmacht with captured territories, the occupiers brutally exploited farms of all types and forms of ownership, rendering propaganda about a “new agrarian order” ineffective.

Key words: Great Patriotic War, German propaganda, Red Army, occupied territories of the USSR, agrarian question.

Cite as: Kononov, V.A. (2026) The agrarian question in German propaganda against the Red Army and the population of the temporarily occupied regions of the USSR during the Great Patriotic War. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (3), 174–182. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_174.

Received 03.08.2026
Accepted 30.09.2026